

проанализируем Нилово Завещание в сравнении с такими духовными грамотами, то обнаружим, что Нилово Завещание от них сильно отличается.

Просмотр опубликованных духовных грамот дает основание разделить их на четыре группы: 1) духовные грамоты светских частных лиц,⁹⁰ 2) духовные грамоты царей,⁹¹ 3) духовные грамоты митрополитов,⁹² 4) духовные грамоты игуменов и основателей монастырей.⁹³

Все эти духовные грамоты имеют типичные, общие всем им черты, несмотря на их весьма разнообразное содержание. Эти общие черты, обнаруживаемые главным образом во вводной и заключительной частях завещания, придают ему, очевидно, характер юридического документа.

Введение состоит из следующих частей: 1) формула: «Во имя, отца и сына и св. духа...»; 2) указания об авторе духовной грамоты: а) его имя, б) кем он уполномочен на составление духовной грамоты, в) утверждение, что он пишет сию грамоту «своим целым умом», «в своем смысле» (прибавляется часто описание страданий вследствие старости и болезней).

В конце грамоты мы читаем: 1) перечень свидетелей, присутствующих при написании духовной грамоты; 2) имя лица, которое написало грамоту под диктовку автора; 3) описание печати или креста, которые сам автор ставил на документе в качестве подписи.

Духовные грамоты царей и митрополитов отличаются от других тем, что они являются, так сказать, «политическими» духовными грамотами, в которых они передают потомкам и наследникам не только свою собственность, но также свои стремления, заботы и заветы.

Отличаются от других групп завещаний духовные грамоты русских игуменов, хотя они имеют те же формальные признаки духовной грамоты, как и другие документы этого жанра. Возьмем, например, духовные грамоты Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого и Александра Свирского. Эти три основателя монастырей доверяют «свой труд», т. е. основанный ими монастырь, одному представителю светской или церковной власти. Для понимания общественного развития Руси XV—XVI вв. очень характерно, кого именно они просят заботиться о монастыре и защищать его. Кирилл доверяет свой монастырь местному удельному князю — «великому князю» Андрею Дмитриевичу (Можайскому), Иосиф — «великому князю Василию (III) Ивановичу» Московскому, Александр — архиепископу Ма-

⁹⁰ Например, Духовная грамота Патрикея [Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси (далее: АЮ), т. I. СПб., 1857, № 82, стр. 543 и сл. (XIV—XV вв.)], духовные грамоты служилых людей [АЮ, т. I, № 84, стр. 547 и сл. (XV и XVII вв.)], Духовная грамота Пантелеймона Мисюря Соловьева [АЮ, т. I, № 86, стр. 555 и сл. (XVII в.)]. Духовная грамота Андрея Ярлыка также принадлежит к этому разряду, так как Андрей, постригшийся лишь в старости, распоряжается своим «светским» имуществом, конечно, в пользу монастыря, в который он вступает, как это было обычно в то время (ср. полемику Евфросина Псковского против этого обычая: АЮ, т. I, № 85, стр. 552 и сл.).

⁹¹ Например, Духовное завещание Ивана Грозного (ДАИ, т. I, № 222, стр. 371—389). «Поучение» Владимира Мономаха в некоторых отношениях можно также причислить к этой группе.

⁹² Например, Духовная грамота митрополита Киприана (1378—1405) (АЮ, т. I, № 87, стр. 54), Духовная грамота митрополита Фотия (1408—1431) (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 144—148), Духовная грамота митрополита Макария (1543—1563) (АИ, т. I, стр. 328 и сл.).

⁹³ Духовная грамота Антония Римлянина, являющаяся, очевидно, первой грамотой такого типа на Руси [Филарет (архиепископ Харьковский). Обзор русской духовной литературы. 862—1720. Харьков, 1859, стр. 45]; Духовная грамота Кирилла Белозерского (АИ, т. I, № 32, стр. 61 и сл.); Духовная грамота Иосифа Волоцкого — не смешивать с его Духовной грамотой, пространной редакцией его «Устава»: ВМЧ, 9 сентября. СПб., 1883, [АИ, т. I, № 288, стр. 524 (1507 г.)].